

Балаян и К°

«соображают» на троих

Главный армянин Украины будет
снимать под Москвой

Роман БАЛАЯН дописывает сценарий нового фильма. Это будет картина о любви. Как и большинство его прежних работ: и «Полеты во сне и наяву», и «Храни меня, мой талисман», и даже «Филер». Пока же Балаян продюсирует сериалы и по-прежнему живет в Киеве. Где недавно был избран Президентом армян Украины.

— О чем ваша новая картина?

— Действие происходит в интернате слепоглухонемых. Такой интернат на бывшей советской территории остался только в Сергиевом Посаде, где мы и будем частично снимать. Мы — Александр Жовна (автор рассказа «Эксперимент», по которому будет сниматься картина), Рустам Ибрагимбеков и я — «соображаем» один сценарий на троих. В двух словах сюжет таков: молодой человек уже два года как преподает в интернате слепоглухонемых, в глуши, вдали от той жизни, которая может его интересовать. Но вот приезжает новая преподавательница его возраста, особа чрезвычайно свободная и эмансипированная. Она предлагает ему в качестве эксперимента влюбить двух слепоглухонемых друг в друга. При этом методом, переходящим какую-то допустимую грань профессии. Молодой очарован коллегой и соглашается на эксперимент. Но в итоге сам влюбляется в слепоглухонемую.

Не все еще в сценарии получается. Я вообще только выдумываю хорошо, а писать ленив, это моя трагедия. Только ознакомившись с Мережко, понял, что сценарист — это отдельная профессия. Только отлично написанный сценарий можно «разрушать» режиссурой. А когда у тебя просто гаммы без мелодии, то из режиссерской импровизации ничего хорошего не получится. Вот у Феллини всегда было по пять сценаристов.

— Три года назад вы рассказывали о своем желании снять фильм по роману Макса Фриша «Назову себя Гантенбайн» в Италии. Не сложилось?

— Этой идее уже 13 лет, в главной роли должен был сниматься Марчелло Мاستроянни. Но капризная молодая вдова Фриша до сих пор настаивает на том, чтобы ей заплатили за экранизацию 600 тысяч долларов. Что, естественно, отпугивает европейских продюсеров — для них это большие деньги.

— А как обстоят дела с продолжением «Полетов во сне и наяву»?

— С этим я, слава тебе Господи, завязал. В одночасье решил, что нельзя так долго возиться с вещью, если она не получается. Жизнь слишком похожа на историю, которая происходила бы в фильме. Но прошло еще недостаточно времени, чтобы судить об этой жизни. Нет временной перспективы.

Так что пока я занимаюсь тем, что продюсирую сериалы. Хотя, если честно, никакого удовольствия мне это не доставляет. Просто я согласился на условия моих друзей Владимира Достала и Абдурахмана Мамилова, в прошлом — главных директора и редактора «Мосфильма». Начинали мы с Владимиром Попковым с сериала «Оборотень». Но детективная тематика, по-моему, так всем надоела, что потом я уговорил Криштофовича снять 8-серийную семейную историю «Под крышами большого города». А сейчас Криштофович приступает уже ко второй семейной саге. Попков и Небиеридзе заканчивают 12-серийный детектив «Кукла». Мы стараемся, чтобы в работе постоянно были сразу два сериала: мелодрама и детектив. Понятно, что сериалы не могут быть шедеврами. Шедевр я знаю один — во всяком случае, периодически высиживаю до финальных титров — «Секретные материалы».

— Вас беспокоит кинематографическая ситуация в сегодняшнем Киеве?

— В нынешней Украине просто-напросто нет никакого кинематографа. И это давит. Я считаю, что после 85-го года мы распоясались в так называемой свободе, которую я называю волей. Но выросли-то мы в неволе, и наши вибрации и мысли возбуждаются, только когда есть стены и препоны. У молодого поколения в отличие от нашего нет ориентиров, точки отсчета. Их слишком угнетает материальная сторона. Хотя... Что делали мы? Мы молчали. И снимали свое кино, получая за это деньги. Впрочем, те шесть своих фильмов, которые считаю удачными, я снял бы и бесплатно. Знаете, мне сейчас хотелось бы придумать какую-то идею для молодых. Назовите мне хотя бы 20 имен, которые еще ничего не сняли, и я, используя свой мнимый или существующий авторитет, добьюсь у государства внебюджетных денег, чтобы проверить, на что люди способны. Надо дать им возможность высказаться, так сказать, проверить генокинофонд.

У меня есть еще один, совсем утопический замысел. Я бы открыл Высшие курсы актеров. Мне неинтересно разгадывать неоперившиеся таланты абитуриентного толка. Это хорошо делал Герасимов. А вот преподавать уроки профессионалу, увести

его от штампов, попытаться что-то изменить в театральной школе — это интересно. Мне кажется, что в актерском деле я мог бы принести больше пользы, чем в режиссуре. Хотелось бы открыть такую школу вечных репетиций и импровизаций вместе с Богданом Ступкой и Андреем Жолдаком. Но актеры уверены, что и так все умеют.

Я говорю это не из тщеславия. Мое тщеславие пока — в области кинематографа. Хотя уже лет 15 у меня не возникало желания снять так, чтобы всем понравилось. А у нас в Киеве, к сожалению, весьма странное отношение к понятию профессионализма. Мы здесь привыкли к двум критериям: или гениально, или дерьмо.

— И никто не считает себя дилетантом...

— Знаете, как говорил Сальвадор Дали? Что такое путь к гениальности? Вначале классический рисунок, то есть ремесло. Дальше: классический рисунок, доведенный до бредового совершенства, — профессионализм. И классический рисунок, сверхнасыщенный большой энергией, — это уже авторское творение. В Киеве в большинстве случаев упускаются первые две позиции — ремесло и профессия. Обладая ими, на мой взгляд, ты хоть еще и не режиссер, но уже постановщик, способный поставять «товар». Как гражданину мне не нравится, что в Киеве нет кинопроизводства. А как режиссеру — что мало кто из коллег хочет работать. И мне тоже, по большому счету, не особенно хочется снимать.

— В сегодняшнем Киеве, как мне кажется, советская идеология уступила место хуторянской...

— Может, вы и правы. Но, знаете, в Киеве я — русофил, а в Москве — украинофил. В России считают, что украинцы одумаются и мы опять будем вместе. Но Карпаты не хотят. А это 10 миллионов свободолюбивых людей, выросших при другой ментальности: австро-венгерской, румынской. Да и не только Карпаты. Скажу больше: я за то, чтобы единственным государственным языком был украинский. Для того чтобы это осуществилось, необходимо, чтобы у соответствующего указа было социальное и политическое обаяние. Но поскольку политики лишены обаяния, я предлагаю отложить кардинальное решение этого вопроса на семь лет. Поверьте, у меня нет симпатий ни к украинским националистам, ни к русским шовинистам. Я за сохранение национальных особенностей, но против национальной обособленности. Мне кажется, что нужно уметь быть самостоятельными и дружить на расстоянии. Коммуналки, слава Богу, расселили.

— А мне не хочется почему-то, чтобы неведомые нам правнуки читали Достоевского и Толстого в переводе на украинский.

— Можно подумать, вы Диккенса читаете по-английски... И Киев, по моему, тут совсем ни при чем. Это намоленный город, дай Бог каждому. Я живу здесь с 1964 года и не чувствую ни малейшего желания куда-то уехать. А возможность перемены места жительства у меня была всегда.

— Как получилось, что вы стали Президентом «Союза армян Украины»?

— Если честно, не по моей воле. И на избравшем меня Президентом «Спілки вірмен України» меня не было. Просто искали достаточно известного человека, не связанного с бизнесом. Но довольно быстро я настолько увлекся, что даже долго носился с идеей построить Армянский культурный центр. Кстати, недавно я прочел в одной из киевских газет интервью посла Азербайджана в Украине Талята Алиева и крайне удивился той его части, где речь идет о Ходжалинской трагедии 1992 года. Даже допуская, что все могло быть именно так, как описывает господин посол, не верится, что подобный комментарий происшедшей трагедии звучит из уст дипломата. Текст, где армяне выставлены фашистами почище немецких, не может не породить напряженности именно среди армян и азербайджанцев, проживающих в Украине, в которой, слава Богу, еще не было и, будем надеяться, никогда не будет межэтнических конфликтов. Так и хочется подробно прокомментировать происшедшую трагедию, используя другие факты и причины. Но сдерживаюсь, чтобы не бередить старые раны как азербайджанцев, так и армян.

Ирина КАРПИНОС